

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Священник Владислав Малышев

Положение духовного сословия
в церковной публицистике
середины XIX века

монография

Владислав Малышев

**Положение духовного
сословия в церковной
публицистике середины XIX века**

АНО "Издательство СПбДА"

2019

УДК 281.93+94(47).081

ББК 86.372.24-35

Мальшев В. С.

Положение духовного сословия в церковной публицистике
середины XIX века / В. С. Мальшев — АНО "Издательство
СПбДА", 2019

ISBN 978-5-906627-61-2

В монографии кандидата богословия священника Владислава Сергеевича Мальшева рассматривается церковно-общественная публицистика, касающаяся состояния духовного сословия в период «Великих реформ». В монографии представлены высказывавшиеся в то время различные мнения по ряду важных для духовенства вопросов: быт и нравственность приходского духовенства, состояние монастырей и монашества, начальное и среднее духовное образование, а также проведен анализ церковно-публицистической полемики как исторического источника. впервые вводятся в научный оборот архивные данные, что позволяет по-новому взглянуть на публикации свящ. И. С. Белюстина, Д. И. Ростиславова, Н. В. Елагина, А. И. Поповицкого и др. Монография рекомендуется преподавателям и студентам богословских учебных заведений, богословских факультетов светских вузов, а также всем интересующимся историей Русской Православной Церкви. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 281.93+94(47).081

ББК 86.372.24-35

ISBN 978-5-906627-61-2

© Мальшев В. С., 2019

© АНО "Издательство СПбДА", 2019

Содержание

Введение	7
1. Церковно-общественная публицистика как феномен гласности во второй половине XIX века	20
Исторические предпосылки возникновения церковно-общественной публицистики в XIX веке	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Владислав Малышев
Положение духовного
сословия в церковной
публицистике середины XIX века

© Издательство Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии, 2019

* * *

Введение

К концу периода правления императора Николая I у представителей духовного сословия накопилось множество претензий к высшей церковной власти непосредственно, и к государственной системе косвенно. Низкий уровень достатка, неопределенность социально-правового статуса, недостаточный уровень духовного образования, несостоятельность системы воспитания юношества, подчинение приходского духовенства монашествующим и прочее – все это волновало абсолютное большинство членов духовного сословия, особенно из белого духовенства. Несмотря на наличие целого ряда проблем, их публичное обсуждение до конца 1850-х годов было немыслимо, и ограничивалось рамками личных доверительных бесед в узком семейном или товарищеском кругу. Впервые широкий круг читателей, не посвященных в подробности священнического быта, узнал о пастырских проблемах благодаря заграничной публикации произведения калязинского священника Иоанна Степановича Белюстина «Описание сельского духовенства». Факт появления и проникновения на территорию Российской империи подобной литературы был очевиден и немыслим одновременно. Провинциальный священник, чье дело – совершать богослужения и знать свое место, публично критикует церковные порядки и священноначалие, которое на страницах его книги предстает в самом неблагоприятном образе как кладезь лжи и властолюбия. Новое слово в публицистике, сказанное не кем-то из светских литераторов и знатных особ, не представителем знатного столичного духовенства, а никому неизвестным сельским священником, спровоцировало бурную реакцию в обществе. Невиданная до сего момента критика, в первую очередь институциональной Церкви, быстро обрела как сторонников, так и недоброжелателей, что выражалось, в том числе, и в развивающихся полемике публикациях. Священник И. С. Белюстин заложил основу публицистической полемики вокруг церковных проблем и пробудил смелость в выходцах из своего сословия заговорить о тяготах пастырской жизни. Наиболее смело впоследствии критиковал духовенство профессор Санкт-Петербургской духовной академии Дмитрий Иванович Ростиславов, а защищал – писатель и цензор Николай Васильевич Елагин. Особую роль в развитии полемики, участниками которой все чаще становились простые священнослужители, сыграло развитие периодической печати и появление газеты «Церковно-общественный вестник».

В данном исследовании новое для русского общества явление, когда низшее духовенство позволило себе, несмотря на страх оказаться под следствием церковного суда, высказываться на тему острых и насущных проблем своего сословия, будет отражено термином «церковно-общественная публицистика», а публичный спор авторов-выходцев из духовного сословия друг с другом и с некоторыми светскими лицами на тему внутрисословных нестроений назван «церковно-публицистической полемикой» или «церковно-общественной публицистической полемикой». По нашему убеждению, во избежание размытости понятий, беспорядочного цитирования любых произведений на тему церковных недугов, а также с целью более четкой и правильной систематизации мнений публицистов, такое явление как «церковно-общественная публицистика середины XIX века» может быть ограничено рамками духовного сословия, с незначительным допущением в него светских авторов в случае, если их произведения являются прямым одобрением или критикой кого-либо из церковных публицистов. Понятие «церковно-публицистическая полемика» будет ограничено фактором непосредственного отношения произведений к спору, основанием которого стали книги священника И. С. Белюстина и Д. И. Ростиславова. Кроме того, что тема монографии уже ограничивает область исследования исключительно внутрицерковной проблематикой, т. е. проблемами, непосредственно касающимися духовного сословия, необходимо еще ограничить и область рассматриваемых тем. По нашему убеждению, основой «церковно-общественной публицистики» в ее внутрисословном аспекте является обсуждение трех проблемных и иллюстрирую-

ших положение духовного сословия областей: быт белого духовенства, вопрос о современном монашестве, а также достоинства и недостатки духовного образования. В связи с ограничением, связанным с указанными проблемными областями, в данной монографии остаются в стороне такие темы, как реформа церковного суда, участие духовенства в народном образовании, преподавание закона Божия в светских школах, проблемы синодального устройства и т. д. Отметим также, что с учетом большого количества статей в периодических изданиях, особенно 1870-х годов, их объем будет сокращен через ограничение по принципу выбора авторов, среди которых мы укажем на наиболее влиятельных публицистов, придерживающихся противоположных точек зрения¹.

Под понятием «духовное сословие» в данном исследовании, на основании законодательства Российской империи, будет пониматься православное духовенство, которое в свою очередь разделено на монашескую и белую (женатую)². К монашескому духовенству относятся: митрополиты, архиепископы, епископы, игумены, иеромонахи и рядовые монахи³. К белой духовенству причисляются: протоиереи, иереи, диаконы и причетники⁴.

Затронутая нами тема несомненно важна, и ее актуальность обусловлена следующими факторами: во-первых, отсутствием в настоящее время исследований, всецело посвященных изучению церковно-общественной публицистической полемики в печати 1850–70 годов, участниками которой являлись выходцы из духовного сословия, как феномена своего времени, а также как важнейшего исторического источника; во-вторых, широким использованием церковно-общественной публицистики как исторического источника в научных исследованиях без полноценного предварительного критического анализа, что приводит к многочисленным ошибкам и даже к фальсификации фактов; в-третьих, отсутствием методологии использования церковно-общественной публицистики в качестве исторического источника с учетом ряда присущих исключительно этому явлению особенностей и, в-четвертых, некорректным использованием частных мнений публицистов в личных пропагандистских целях со стороны некоторых современных издателей и публицистов. Данное исследование нацелено на полноценное изучение деятельности наиболее видных публицистов не в отрыве от окружающей их реальности, а с учетом насущных церковных проблем, в контексте литературной полемики. Выявление и анализ более глубоких, нежели предоставляют словари и энциклопедии, определяющих мировоззренческие позиции биографических особенностей каждого из авторов, представляет особый интерес для исследователя истории Русской Православной Церкви, и может способствовать более корректному использованию церковно-общественной публицистики в качестве исторического источника. Изучение контекста полемики и анализ публицистических произведений в их совокупности позволяют оценить степень субъективности ее участников и имеют большое значение для правильного понимания особенностей каждого из произведений. Кроме того, разработка методологии изучения и анализа церковно-общественной публицистики как исторического источника, с приведением конкретного списка необходимых для ознакомления архивных источников и литературы, способна сделать данную монографию еще более актуальной и незаменимой для исследователей, чья научная деятельность предполагает использование частных мнений о церковной и общественной жизни в Российской империи второй половины XIX века.

Научная новизна определена тем, что в данном исследовании церковно-публицистическая полемика середины XIX века как феномен литературной деятельности представителей

¹ Отметим и то, что публицисты, чьи имена появлялись на страницах периодических изданий единожды, в большинстве случаев не вносят ничего нового в церковно-публицистическую полемику, а только лишь вторят более известным авторам, как сторонникам реформ, так и их противникам.

² Свод законов Российской Империи издания 1857 года. Т. IX: Законы о состояниях. СПб., 1857. № 244.

³ Там же. № 245.

⁴ Там же. № 246.

духовного сословия указанного периода рассматривается как целостное явление, отдельные аспекты которого тесно связаны друг с другом и находятся в состоянии взаимной зависимости. Кроме того, научная новизна исследования определяется подробным анализом возможной мотивации, побуждающей публицистов к обсуждению той или иной проблемной области, а также корректирующих позицию авторов обстоятельств и психологических состояний. Также предпринята попытка комплексного исследования содержания и обстоятельств издания такого важного в церковной публицистике периодического издания как «Церковно-общественный вестник», а также анализа публицистической деятельности периодических изданий Санкт-Петербургской духовной академии («Христианское чтение» и «Церковный вестник»). Кроме того, в приложении № 1 монографии предпринята попытка анализа церковно-общественной публицистики как исторического источника, с последующей разработкой методологии его использования и описанием необходимых практических действий со стороны исследователей.

Важно отметить, что на данный момент церковно-общественная публицистика как феномен гласности в области внутрицерковной проблематики во второй половине XIX века, основными деятелями которой стали выходцы из духовного сословия, во всей своей совокупности практически лишена внимания со стороны историков. Объектом интереса исследователей чаще всего становились отдельные личности – участники публицистической полемики. В случае же, когда одним из объектов исследования являлась церковно-общественная публицистика, ее изучение сводилось к поверхностному обзору в контексте более актуальной для исследователя темы.

Единственным обнаруженным нами исследованием, всецело посвященным публицистическому жанру в контексте проблем Церкви в XIX веке, стала диссертация кандидата исторических наук А. В. Наместникова «Церковный вопрос в публицистике пореформенного периода (конец 50-х – начало 80-х годов XIX века)». Исследовательский подход А. В. Наместникова, особенностью которого является не глубокое и подробное изучение церковно-общественной публицистики, а повествование об исторических событиях данного периода, по всей видимости, обусловлен отсутствием на момент написания диссертации трудов по истории Русской Православной Церкви. Автор в большинстве случаев использует публицистику исключительно в контексте исторического повествования как вспомогательный элемент или как иллюстрацию литературной активности относительно того или иного церковного вопроса. Существенными недостатками исследования, на основании которых мы можем утверждать, что оно не является полноценной попыткой глубокого и всецелого изучения церковно-общественной публицистики XIX века, является, во-первых, чрезмерное увлечение автора описанием событий церковной истории, содержание которого напоминает вольный пересказ ранее изданной монографии Г. Фриза⁵, в ущерб изучению церковной публицистики; во-вторых, отсутствие ограничения понятия «публицистика», что приводит к несистематичному цитированию публицистов из разных сословий без должного изучения их компетентности в данном вопросе, а также к использованию наряду с публицистикой аналитических рассуждений и беллетристики; в-третьих, автор практически игнорирует необходимость подробного изучения биографий публицистов, что делает процесс изучения публицистики поверхностным и приводит к искажению информации как об описываемой проблеме, так и о мнении самого публициста; в-четвертых, при указании автором важности роли журнала «Церковно-общественный вестник» в публицистической полемике, сведения о нем ограничены информационной энциклопедической справкой и несколькими формальными ссылками; в-пятых, в исследовании совершенно отсутствуют данные из архивных источников, что значительно снижает его ценность. В итоге, по нашему мнению, А. В. Наместников не достигает одной из главных целей – рассмотреть публицистику

⁵ Freeze G. L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. New-Jersey, 1983.

во всей ее совокупности, учитывая мотивы каждого из авторов, а также принимая во внимание их свойство гиперболизации затрагиваемых проблем⁶.

В числе исследований, объектами которых стали отдельно взятые публицисты, а также некоторые аспекты публицистической полемики, необходимо отметить несколько отечественных и зарубежных монографий. Анализ отдельных аспектов творчества священника И. С. Белюстина и некоторых других публицистов был предпринят американским историком Г. Фризом в монографии «Приходское духовенство в XIX в. в России: Кризис, реформы, контр-реформы»⁷. Личность и творческое наследие священника И. С. Белюстина являются наиболее изученными по сравнению с остальными публицистами, став объектом исследований таких историков как П. Н. Агафонов⁸, В. Н. Серeda⁹; Е. Ю. Буртина¹⁰ и Т. Г. Леонтьева¹¹. В. А. Федоров в своей монографии, посвященной Синодальному периоду истории Русской Церкви¹², опубликовал текст записки священника И. С. Белюстина «Описание сельского духовенства» без какого-либо комментария и анализа ее содержания. Несмотря на то, что записка опубликована с некоторыми сокращениями, данная публикация ценна своей уникальностью, ведь именно она стала самым доступным для современного исследователя способом ознакомиться с мнением священника И. С. Белюстина. Кроме того, к его личности В. А. Федоров обращался в своих научных статьях¹³.

Более детально подошел к анализу отдельных аспектов церковно-общественной публицистики и печати начала второй половины XIX века М. В. Никулин, который затрагивает тему пробуждения общественного интереса в печати, и отдельно обращает внимание на «Описание сельского духовенства» священника И. С. Белюстина¹⁴. Никулин не только дает подробное описание затронутых калязинским священником проблем, но и описывает реакцию общества на появление новой формы выражения мыслей о положении Церкви в государстве и ее внутренних проблемах. Автор, помимо всего, наглядно демонстрирует читателю процессы, которые, по его мнению, спровоцировала данная публикация.

В заключение историографического обзора отметим монографию С. В. Римского «Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов)» (1999)¹⁵. В данном исследовании историк не только широко использует частные мнения публицистов – священника И. С. Белюстина, Д. И. Ростиславова, Н. А. Муравьева и священника А. И. Розанова, но и упоминает имя И. С. Белюстина как священника, с которого началась гласная полемика по вопросам церковных проблем, освещает основные вехи ее развития,

⁶ Наместников А. В. Церковный вопрос в публицистике пореформенного периода (конец 50-х – начало 80-х годов XIX века). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1998. С. 14–15.

⁷ Freeze G. L. *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform...*; *Idem*. *Revolt from Below: A Priest's Manifesto on the Crisis in Russian Orthodoxy (1858–59)* // *Russian Orthodoxy under the old regime*. Minneapolis, 1978. P. 90–124.

⁸ Агафонов П. Н. Священник-публицист И. С. Белюстин (К вопросу о либеральном движении в Русской Церкви в XIX в.). М.: МГУ, 1971.

⁹ Серeda В. Н. Иван Степанович Белюстин. 1813–1890 гг. // *Биография как вид исторического исследования*. Тверь, 1993.

¹⁰ Буртина Е. Ю. Мелочи иерейской жизни. Документальный очерк об И. С. Белюстине // *Лица*. М.; СПб., 1995. С. 187–237.

¹¹ Леонтьева Т. Г. Из истории провинциального духовенства. И. С. Белюстин. Заметки. 1847–1850. М., Тверь, 1991; *Ее же*. *Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв.* М., 2002. Особую ценность представляет собой публикация биографии и личных дневниковых записей свящ. И. С. Белюстина: *Ее же*. *Священник Иоанн Белюстин: биография в документах*. М.; Тверь, 2012.

¹² Федоров В. А. *Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период 1700–1917*. М., 2003.

¹³ Федоров В. А. Пастырское служение и публицистическая деятельность тверского священника И. С. Белюстина (1819–1890) // *Материалы ежегодной богословской конференции ПСТГУ*. М., 2003. С. 160–165; Федоров В. А. Белюстин Иоанн Степанович, свящ. // *Православная Энциклопедия*. М., 2002. Т. IV. С. 531.

¹⁴ Никулин М. В. *Православная Церковь в общественной жизни России (конец 1850-х – конец 1870-х гг.)*. М., 2006.

¹⁵ Римский С. В. *Российская церковь в эпоху великих реформ. (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов)*. М., 1999.

однако тут же утверждает, что данная тема исчерпала себя и достаточно исследована еще до 1917 года. Данное утверждение С. В. Римского является ошибочным и приводит его к практике некорректного использования церковно-общественной публицистики как исторического источника. Аргументируя свое мнение, С. В. Римский указывает на сочинения Н. В. Елагина и А. Н. Муравьева как на труды, посвященные изучению сочинений священника И. С. Белюстина. С данным тезисом невозможно согласиться хотя бы по причине того, что указанные им личности являются активными участниками полемики, а не беспристрастными исследователями, и их мнения также страдают субъективной предвзятостью. Среди исследователей, которые, по мнению С. В. Римского, исчерпали тему публицистической полемики, назван А. Папков. Действительно, в 1902 году А. Папков, среди прочего, в труде «Церковно-общественные вопросы в эпоху царя-освободителя» касается вопроса о реакции публицистики на происходящие в Церкви и государстве перемены. Однако необходимо отметить, что данная тема не является основной в его работе и не раскрывает полноты мнений авторов и их противостояния, в ней отсутствуют наиважнейшие данные личной переписки авторов, а также дел, хранящихся в настоящее время в государственных архивах. Римский также дает краткую характеристику трудам и личности Д. И. Ростиславова, но, используя его мнения, он не проводит их анализ и сравнение с мнениями оппонентов, что приводит к излишней субъективности исследователя.

Помимо исследований, посвященных публицистике или творчеству отдельно взятых публицистов, необходимо отметить и труды по истории Русской Православной Церкви данного периода, без учета которых изучение церковно-общественной публицистики рискует быть неполноценным.

Из научных монографий дореволюционного периода необходимо выделить труды С. Г. Рункевича¹⁶ и А. Папкова¹⁷. Рункевич подробно разбирает и классифицирует проведенные императором Александром II реформы, учитывая ход их реализации, а А. Папков уделяет особое внимание самой публицистике и обсуждаемым в печати церковно-общественным вопросам. Несмотря на разбор и классификацию мнений публицистов по ряду наиболее актуальных вопросов, обсуждаемых в эпоху «Великих реформ», А. Папков не выдерживает линии беспристрастного исследователя и сам выступает в качестве участника публицистической полемики. Несмотря на это, труд А. Папкова небезынтересен для изучения эпохи Александра II, а также может и должен быть использован в качестве одного из источников в данном исследовании.

Наиболее ценные труды, изданные в XX веке и способствующие подробному изучению истории Русской Церкви в XIX веке, это исследования И. К. Смолича¹⁸, Г. Фриза¹⁹ и протоиерея Г. Флоровского²⁰. Двухтомник И. К. Смолича, первоначально изданный на немецком языке и впоследствии переведенный на русский, не может быть не принят во внимание в данном исследовании хотя бы потому, что его автор, насколько это возможно при изучении столь обширного периода времени, подробно описывает проблемы Церкви Синодального периода. Выдающимся необходимо признать упомянутый выше труд американского историка Г. Фриза, который достаточно скрупулезно описывает не только ход реформ второй половины XIX в., но и вдается в подробности быта приходского духовенства, опираясь на практически неисследованные или малоизвестные даже в XXI веке архивные источники, что делает его монографию уникальной. Достоин особого внимания труд протоиерея Г. Флоровского «Пути русского богословия». В контексте данного исследования наиболее интересной представляется глава

¹⁶ Рункевич С. Г. Русская Церковь в XIX веке. Исторические наброски. СПб., 1901. 232 с.

¹⁷ Папков А. Церковно-общественные вопросы в эпоху царя-освободителя (1855–1870). СПб.: Типография А. П. Лопухина. 1902.

¹⁸ Смолич И. К. История Русской Церкви 1700–1917 гг.: в 2 т. М., 1996.

¹⁹ Freeze G. L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform...

²⁰ Флоровский Г. В., прот. Пути русского богословия. Париж, 1937.

«Историческая школа», в которой автор затрагивает широкий спектр проблем Русской православной Церкви XIX века. Протоиерей Г. Флоровский отмечает религиозный кризис в народе, церковные преобразования 1860–70-х гг. и волнующие общество проблемы, отразившиеся, в том числе, и в публицистике.

Из современных исследований Синодального периода отметим хотя и обобщающий, но достойный внимания труд В. А. Федорова «Русская православная церковь и государство. Синодальный период 1700–1917»²¹. Анализируя взаимоотношения государственной власти и Церкви в период правления императора Николая I, помимо монографии Ю. Е. Кондакова²² важно использовать статьи С. Л. Фирсова, способствующие взвешенной оценке деятельности государственного аппарата и самого самодержца²³.

Среди монографий, посвященных истории Русской Православной Церкви в эпоху «Великих реформ», особое место занимают труды М. В. Никулина «Православная Церковь в общественной жизни России (конец 1850-х – конец 1870-х гг.)»²⁴ и С. В. Римского «Российская церковь в эпоху великих реформ»²⁵.

Никулин подробно описывает проблемы, волнующие как представителей духовного сословия, так и общество в целом. Историк, используя как архивные данные, так и общественную публицистику, характеризует роль Церкви и ее служителей в жизни общества накануне и в период реформ Александра II. Ценность монографии С. В. Римского обусловлена подробным изложением процесса реформирования церковной жизни, особенностей проектов реформ, в том числе и не осуществившихся, мнений относительно различных инициатив как светских, так и духовных деятелей и т. д. Монография С. В. Римского может быть без преувеличения названа одним из основных трудов на тему церковных преобразований Александра II. Незаменимой в области изучения деятельности Св. Синода в период церковных преобразований Александра II можно назвать монографию С. И. Алексеевой. Автор подробно описывает процесс структурных изменений, систему управления и взаимодействия высшего церковного органа с иными учреждениями и организациями²⁶.

Необходимая информация для изучения быта и проблем духовного сословия в XIX веке содержится в трудах Т. Г. Леонтьевой²⁷, А. Н. Розова²⁸ и Т. А. Бернштам²⁹, которые могут и должны быть дополнены статистическими и иными данными, собранными Б. Н. Мироновым в двухтомном издании социальной истории России с XVII по XX века³⁰.

Отдельно необходимо отметить источники исследования, которые позволительно разделить на три группы:

I группа – Публицистика

²¹ Федоров В. А. Русская Православная Церковь и государство...

²² Кондаков Ю. Е. Государство и православная Церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб., 2003.

²³ Фирсов С. Л. «Охранительная идеология» и Православная Церковь в России 1825–1861 гг. // *Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности)*. Вып. 1. Сб. статей / Под ред. Ю. Н. Солонина. СПб., 2004. С. 142–172; *Его же*. «Православный абсолютизм». Светская власть и православная церковь в эпоху императора Николая I // *Вестник СПбГУ*. Сер. 6. 2004. Вып. 4. С. 36–43; *Его же*. Православное государство и русские старообрядцы-поповцы в эпоху императора Николая I // *Вестник СПбГУ*. Сер. 6. 2009. Вып. 1. С. 6–15.

²⁴ Никулин М. В. Православная Церковь в общественной жизни России...

²⁵ Римский С. В. Российская церковь в эпоху великих реформ...

²⁶ Алексеева С. И. Святейший синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856–1904 гг. СПб., 2003.

²⁷ Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс...

²⁸ Розов А. Н. Священник в духовной жизни русской деревни. СПб., 2003.

²⁹ Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. СПб., 2005.

³⁰ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб., 2000.

Публицистика становится основным источником данных, содержащихся во второй главе монографии, в которой предпринят анализ трудов следующих публицистов: свящ. И. С. Белюстина, свящ. М. Морошкина, свящ. Г. Грекова, иером. Пимена, Д. И. Ростиславова, Н. В. Елагина, А. Н. Муравьева, С. И. Ширского, свящ. А. И. Розанова, прот. Г. С. Дебольского, Ф. В. Ливанова, А. В. Вадковского (впоследствии митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония), А. И. Поповицкого, И. В. Скворцова и других авторов, издававшихся анонимно под редакцией Н. В. Елагина.

Из многочисленных публикаций священника И. С. Белюстина будут выбраны: главный труд его жизни, записка о положении белого духовенства и его образовании «Описание сельского духовенства»³¹ (1858), а также около двух десятков наиболее актуальных в контексте исследования статей, опубликованных, в основном, в журнале «Церковно-общественный вестник»³². «Описание сельского духовенства» священника И. С. Белюстина, несомненно, является главным публицистическим произведением всей его жизни. Содержание книги иллюстрирует отношение автора к особенностям быта сельского духовенства и воспитания духовного юношества. Книга по своей структуре написана таким образом, что читатель следит за предполагаемым героем книги, коим является все сельское духовенство, с первых лет его обучения в духовном училище и до последних дней служения на приходе. Священник И. С. Белюстин в данном произведении стремится указывать исключительно на недостатки сложившегося быта, практически не обращая внимания на положительные его аспекты.

Мнение Д. И. Ростиславова о черном и белом духовенстве, а также их образовании можно сформулировать, рассмотрев два наиболее важных источника, которыми являются двухтомные издания: «Об устройстве духовных училищ в России. Т. 1 и Т. 2» (1863) и «О православном белом и черном духовенстве в России. Т. 1 и Т. 2» (1866). Оба труда состоят из большого количества отделов и частей, где автор помещает описание, или свое мнение, относительно как общих, так и частных проблем духовенства и духовного образования. Ростиславов часто делится информацией о частных и конкретных случаях, истинность которых не может быть доказана или опровергнута, но на основании которых автор делает ряд выводов и строит свою аргументацию. Второй труд, «О православном белом и черном духовенстве в России», частично содержит информацию из первого двухтомника, посвященного исключительно духовному образованию. Позиция Д. И. Ростиславова по вопросу о монастырских капиталах также довольно подробно выражена в более позднем труде «Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей» (1876). Данное произведение отличается скрупулезной работой с имеющимися в распоряжении автора источниками и материалами, так что местами насыщенный огромным количеством статистических данных текст становится нечитабельным и представляет собой прямолинейное отображение тех или иных статистических данных. Кроме того, по некоторым вопросам источниковая база будет дополнена рядом статей³³.

³¹ *Белюстин И. С., свящ.* Описание сельского духовенства. Берлин; Париж; Лондон, 1858.

³² *Белюстин И. С., свящ.* Что сделано по вопросу о духовенстве // Беседа. 1871. № 3 (март). С. 134–157; *Его же.* Что делается по вопросу о духовенстве // Беседа. 1872. № 2. С. 179–210; *Его же.* Образчики епархиальной администрации // ЦОВ. 1875. № 38; *Его же.* Честные деятели // ЦОВ. 1875. № 61; *Его же.* Псаломщики // ЦОВ. 1875. № 138; *Его же.* Два слова гг. псаломщику и непсаломщику // ЦОВ. 1876. № 5; *Его же.* Заметки по вопросу о монастырях // ЦОВ. 1876. № 67; *Его же.* Эксплуатация народного суеверия // ЦОВ. 1876. № 79; *Его же.* По призванию. Из дорожных заметок // ЦОВ. 1876. № 117; *Его же.* По вопросу об монастырских имуществе // ЦОВ. 1877. № 65; *Его же.* Прогресс // ЦОВ. 1878. № 10; *Его же.* По поводу учительного известия // ЦОВ. 1878. № 67; *Его же.* Через чур передовые // ЦОВ. 1878. № 70; *Его же.* Обеспечение пастырства // ЦОВ. 1878. № 95; *Его же.* К вопросу о раскольниках // ЦОВ. 1879. № 43–44; *Его же.* Церковные подряды // ЦОВ. 1879. № 49; *Его же.* Радетели // ЦОВ. 1880. № 33.

³³ *Ростиславов Д. И.* Петербургская духовная академия до графа Протасова // Вестник Европы. 1872. № 7, 8, 9; *Его же.* Духовные семинарии и училища (1867–1874) // ЦОВ. 1875. № 7, 9, 12, 13, 20, 21, 28, 29, 39, 43, 49, 56, 70, 71, 82, 83, 84, 85, 108, 109, 110, 111; *Его же.* О взаимных отношениях между епархиальными властями и белым духовенством // ЦОВ. 1877. № 8, 9, 10, 15, 16; 1878. № 148, 151, 155, 156; 1879. № 16, 18, 19, 22, 25, 28, 134; *Его же.* Записки Д. И. Ростиславова // Русская старина. 1880. Т. 27. С. 1–38, 545–572, 681–704; Т. 28. С. 35–68, 179–218, 385–408; 1882. Т. 33. С. 67–86, 265–290, 657–672;

Позиция священника А. И. Розанова по широкому спектру вопросов, включающему проблемы социального и материального положения белого духовенства, состояния духовного образования и воспитания, а также мнение о конкретных церковных преобразованиях представлены в книге «Записки сельского священника. Быт и нужды православного духовенства. Издание исторического журнала “Русская старина”» (1882). Вышедшая в свет в 1882 г. книга А. И. Розанова в предыдущие годы частями была опубликована в журнале «Русская старина», где автор подробно останавливался на вопросах быта белого духовенства и духовного образования. В отличие от священника И. С. Белюстина, книга «Быт и нужды православного духовенства» не похожа на пасквиль, ее автор более объективен в своей критике, а также более последователен, т. к. предлагает конкретные решения накопившихся проблем. Помимо описания проблем духовного сословия, которые необходимо было решать уже в 50-е годы XIX в. священник А. И. Розанов, ввиду того, что книга опубликована в 1882 году, дает свою характеристику целому ряду попыток церковных преобразований и реорганизации его быта.

Попытка Ф. В. Ливанова составить компиляцию из трудов Д. И. Ростиславова и священника И. С. Белюстина, и представить читателю путь к изменению ситуации изложена в произведении «Жизнь сельского священника. Бытовая хроника из жизни русского духовенства» (1877). Ливанов в своем произведении не стремится самостоятельно анализировать проблемы духовного сословия, а берет за основу труды священника И. С. Белюстина и Д. И. Ростиславова. Не решаясь спорить с мнениями публицистов, автор предлагает читателю книгу с сюжетной линией, главный герой которой своей жизнью доказывает, что проблемы, о которых писали критики институциональной Церкви, в большинстве случаев уже в прошлом. В качестве ответа на представления Ф. В. Ливанова будет рассмотрена брошюра А. В. Вадковского «Жизнь сельского священника. Бытовая хроника из жизни русского духовенства Ф. В. Ливанова. (критическая заметка)» (1878). А. В. Вадковский подвергает критике не отношение Ф. В. Ливанова к церковной действительности, а модернистский его подход к образу православного священника, который прослеживается в главном герое произведения священнике Александре Алмазове.

Мнение протоиерея Г. С. Дебольского о положительной роли Церкви в истории Российского государства и общества представлено брошюрой «Влияние Церкви на русский народ» (точное время издания неизвестно, но не позже 1881 г.). В своем произведении автор стремится наглядно продемонстрировать положительное влияние Церкви на образование и нравственность русского народа. Однако, автор не ограничивается описанием прежних заслуг, а приводит примеры негативных последствий секуляризации русского общества; также защищает духовенство и духовное образование от нападок современной журнальной публицистики, которая, по его мнению, восприняла враждебный русскому народу и Церкви западный дух.

Полемика вокруг выборного начала представлена мнением священника М. Морошкина, выраженным в брошюре «Выборное начало в духовенстве» (1870) и прямым ответом С. И. Ширского на данное мнение в труде «Правда о выборном начале в духовенстве. Православного мирянина» (1871). Обе брошюры посвящены проблеме права избрания духовенства народом и епископата духовенством. Священник М. Морошкин, выступающий за выборность в духовенстве, публикует брошюру, где, основываясь на соборных постановлениях и мнениях канонистов, а также используя исторический пример как Древней Церкви, так и Церкви на Руси, доказывает его легальность и, более того, крайнюю необходимость в настоящее время. Ширский, имея в своем распоряжении текст оппонента, находится в более выгодном положении и поэтапно разбирает брошюры свящ. М. Морошкина. Опираясь, так же, как и его оппонент, на основы канонического права, И. С. Ширский критикует Морошкина, уличая его в

Т. 34. С. 586–614; 1884. Т. 42. С. 495–518; Т. 43. С. 88–104, 290–312; *Его же*. Петербургская духовная академия при графе Протасове // Вестник Европы. 1883. № 7, 8, 9.

фальсификации и в увлечении текстами западных канонистов и богословов, мнения которых противоречат православной традиции.

Отдельно необходимо отметить труды Н. В. Елагина и авторов, издававшихся под его редакцией. Мнение Н. В. Елагина о духовном образовании представлено в публикации «Белое духовенство и его интересы» (1881). Достаточно поздняя публикация, в которой автор смог не только высказаться о духовном образовании образца правления императора Николая I, но и о том, что из него сделали в процессе преобразований эпохи Александра II. Елагин, в отличие от священника И. С. Белюстина и Д. И. Ростиславова, наоборот, хвалит дореформенное духовное образование и критикует пореформенное. В данной публикации он возлагает вину за то, что, по его убеждению, качественное образование духовного юношества было упразднено и заменено некачественным, на публицистов-критиков, которые своими трудами убедили правительство предпринять ошибочные действия. Полемика со священником И. С. Белюстиным относительно целого ряда аспектов быта православного духовенства отражена в сборнике «Русское духовенство» (1859). Сборник состоит из семи статей, содержание которых создает у читателей впечатление разностороннего анализа положения духовенства в России. Шесть статей не имеют авторских подписей, а их содержание незначительно противоречит друг другу, что наверняка сделано с целью придания сборнику видимости наибольшей объективности. Основной задачей сборника несомненно является апология монашества и разоблачение клеветы на русское духовенство. Более подробно о монашестве под редакцией Н. В. Елагина было сказано в публикации «Дух и заслуги монашества для Церкви и общества» (1874), где большую часть повествования занимает исторический экскурс, задачей которого является указать на примеры идеалов монашеской жизни и положительное влияние монастырей на общество, а также в брошюре «Несколько слов о монашестве прежнем и нынешнем», где преследуются те же цели. Как особенность этих произведений можно отметить следующее: монашество восхваляется автором в контексте истории прошлых веков, а недостатки черного духовенства нивелируются тем, что и само общество перестало быть нравственным (1891).

В контексте последовавшей в адрес Н. В. Елагина критики и ответа на нее проанализированы труды И. В. Скворцова «В защиту белого духовенства. По поводу книги Н. В. Елагина: «Белое духовенство и его интересы» (1881), С. И. Ширского «Чего надо желать для нашей Церкви» по поводу отзывать на книгу «Белое духовенство и его интересы» (1882) и ряд журнальных статей. Книга И. В. Скворцова опубликована под именем И. Старова, и основной задачей автора стало разоблачение брошюры, вышедшей под редакцией Н. В. Елагина. Скворцов критикует своего оппонента, указывая на то, что его взгляд на дореформенное и пореформенное духовенство не имеет ничего общего с действительностью и является хулой на русское священство. Ширский же, наоборот, проанализировав критику в адрес книги Н. В. Елагина, которую он обнаружил во многих периодических церковных изданиях, встал на защиту книги «Белое духовенство и его интересы».

В данном исследовании не использованы такие широко известные произведения на тему духовного образования в XIX веке как труды Н. П. Гилярова-Платонова «Из пережитого» и Н. Г. Помяловского «Очерки бурсы». Произведение Н. П. Гилярова-Платонова не только не укладывается во временные рамки исследования, поскольку частями оно публиковалось в 1883 году, а в полном объеме только в 1886 году, но и по причине того, что само произведение не является публицистическим, а относится к жанру мемуаров. «Очерки бурсы» Н. Г. Помяловского, хотя и публиковались в 1862–1863 годах в таких журналах как «Современник» и «Время», все же не могут быть названы публицистическим произведением. Наличие сюжета и другие особенности данного издания явно указывают на его беллетристический характер, и это ничто иное как повесть. Оба труда, как Н. П. Гилярова-Платонова, так и Н. Г. Помяловского, не будут фигурировать в данном исследовании в качестве произведений, участвующих в церковно-публицистической полемике.

II группа – неопубликованные (архивные)

В процессе написания исследования были привлечены архивные документы, обнаруженные в архивах Москвы и Санкт-Петербурга.

Из двенадцати фондов Российского Государственного Исторического Архива (РГИА) были изучены и использованы данные более чем в сорока единицах хранения.

РГИА, фонды личного происхождения

Ф. 832, Филарет (до монашества – Дроздов Василий Михайлович) (1783–1867), член Синода, ректор Петербургской духовной академии, митрополит Московский и Коломенский. Наиболее важной обнаруженной в данном фонде единицей хранения стал документ с заголовком «По поводу статей содержащих критическое суждение касательно Церкви... митр. Филарет (Дроздов) – О книгах, брошюрах и статьях признанных вредными». Документ содержит список письма А. Н. Муравьева к М. П. Погодину на тему гласности в церковном вопросе, по поводу публикации священником И. С. Белюстиным книги «Описание сельского духовенства», которое раскрывает реальную, а не публично-официальную точку зрения А. Н. Муравьева на церковную действительность своего времени³⁴. Кроме того, небезынтересно и письмо ректора Московской духовной академии протоиерея А. Горского, в котором он критикует Д. И. Ростиславова, обвиняя его в нечестности и в других злоупотреблениях.

Крайне интересен и другой документ из личного фонда митрополита Филарета (Дроздова) под заголовком «Несколько мыслей касательно воспитания духовного юношества. Записка А. Н. Муравьева “О состоянии православной Церкви в России”», а также проект ответа на эту записку самого митр. Филарета. Оба документа представляют огромную ценность в области исследования мнений публицистов относительно положения духовного профессионального образования в Российской империи в XIX веке.

Ф. 845, Воронов Андрей Степанович (1819–1875), председатель учебного комитета МНП, член совета министра народного просвещения. В данном фонде обнаружено письмо свящ. И. Белюстина, который не только ищет содействия А. С. Воронова в публикации своих трудов, но и описывает положение народных школ.

Ф. 970, Корнилов Иван Петрович (1811–1901), попечитель Виленского учебного округа, член совета министра народного просвещения, председатель Петербургского отдела славянского благотворительного общества. Содержит в том числе письмо свящ. И. Белюстина, содержание которого иллюстрирует положение дел священника в период его нахождения в Санкт-Петербурге.

Ф. 1108, Погодин Михаил Петрович (1800–1875), историк, издатель журнала «Москвитянин» и газеты «Русский». Наше внимание привлекло письмо Д. И. Ростиславова, из которого становится известно о его намерениях опубликовать статьи о духовном образовании и монашестве в журнале М. П. Погодина «Русский», а также, что еще более важно, письмо содержит информацию о буквенном псевдониме, под которым публиковал свои рукописи опальный публицист.

Ф. 1661, Сербинович Константин Степанович (1797–1874), редактор «Журнала МНП», директор канцелярии обер-прокурора Синода, член главного управления цензуры. Данный фонд содержит список записки свящ. И. Белюстина «Описание сельского духовенства» с незначительными пропусками, но под заголовком «Записка неизвестного автора» и датирована 1856 г., что на два года ранее официального выхода книги в печать. Кроме того, в письме Д. И. Ростис-

³⁴ Впоследствии данное письмо было опубликовано. См.: Малышев В. С., свящ. «Слова ваши только повредят в общественном мнении...». Письмо А. Н. Муравьева к М. П. Погодину на тему гласности в церковном вопросе // ХЧ. 2015. № 6. С. 150–172.

слова, обнаруженном здесь же, имеется важная информация о подробностях жизни и научной деятельности публициста.

РГИА, фонды учреждений

Ф. 772, Главное управление цензуры ММП. В данном фонде была обнаружена достаточно резкая критика в адрес Н. В. Елагина со стороны его коллег-цензоров. Это единственная обнаруженная нами характеристика, сделанная не его прямыми оппонентами или сторонниками.

Ф. 776, Главное управление по делам печати МВД; Ф. 777, Петроградский комитет по делам печати (Петербургский цензурный комитет) МВД; Ф. 796, Канцелярия Синода; Ф. 797, Канцелярия обер-прокурора Синода. Перечисленные фонды содержат важнейшую информацию по истории периодического издания «Церковно-общественный вестник», с момента его регистрации и до упразднения. Обнаруженные материалы предоставляют исчерпывающую информацию, объясняющую феномен появления и существования данного либерально-обличительного печатного органа. *Ф. 777* содержит дело о службе цензора Н. В. Елагина, что является одним из главных источников его биографии, а в *Ф. 796, 797*, помимо данных об издании А. И. Поповицкого, обнаружены дела, напрямую относящиеся к публицистической деятельности свящ. И. Белюстина. Здесь же содержится письмо обер-прокурору А. П. Толстому, содержание которого подтверждает, что сборник статей «Русское духовенство», изданный в Берлине без указания авторства, был опубликован под редакторством Н. В. Елагина в интересах Св. Синода.

Ф. 802, Учебный комитет при Синоде. Среди документов фонда обнаружены дела о службе Д. И. Ростиславова в Санкт-Петербургской духовной академии, содержание которых предоставляет не только необходимые биографические сведения, но также позволяет оценить ряд личных качеств публициста.

Ф. 834, Рукописи Синода. В фонде рукописей Св. Синода обнаружены рукописи авторства Ф. В. Ливанова и неопубликованная рукопись свящ. И. Белюстина «Религиозные смуты на востоке».

Особенную ценность для исследователя представляет личная переписка участвовавших в публицистической полемике писателей. Ее содержание способствует правильному пониманию публично высказываемой позиции того или иного автора, а также демонстрирует степень его компетентности и объективности относительно затрагиваемых ими вопросов. С целью изучения данных личной переписки публицистов нами было предпринято анализ двадцати четырех единиц хранения, находящихся в семнадцати фондах ИРЛИ ОР, РНБ ОР и РГАЛИ. Суммарное количество проанализированных писем достигает трехсот единиц. Особенно важными для исследования документами данных архивов необходимо признать письма свящ. И. Белюстина, содержание которых раскрывает особенности его взглядов на Церковь, государство и общество.

Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской Академии наук (ИРЛИ ОР)

Ф. 3, Письма свящ. И. Белюстина к И. С. Аксакову; Ф. 274, Письма свящ. И. Белюстина к М. И. Семевскому; Ф. 293, Письма свящ. И. Белюстина к М. М. Стасюлевичу; Ф. 616, Письма свящ. И. Белюстина к А. Д. Желтухину. Письма свящ. И. Белюстина во всей полноте раскрывают его отношение к Церкви, Православию, Государству, а также объясняют цели публицистической и иной активности священника.

Российская Национальная Библиотека (РНБ ОР)

Рукописный отдел Российской Национальной Библиотеки, помимо целого ряда важнейших писем свящ. И. Белюстина к П. И. Мельникову-Печерскому (*Ф. 37*), И. П. Корнилову (*Ф. 377*), А. А. Краевскому (*Ф. 391*), В. Ф. Одоевскому (*Ф. 539*), А. К. Мейендорфу (*Ф. 542*) и В. А. Половцеву (*Ф. 601*), хранит письма А. И. Поповицкого к С. Н. Шубинскому (*Ф.*

874), И. П. Корнилову (Ф. 377), и письма Д. И. Ростиславова к А. А. Краевскому (Ф. 391) и М. Ф. Раевскому (Ф. 608).

Российский Государственный Архив Литературы и Искусства, Москва (РГАЛИ)

Основную ценность здесь составляют личные письма свящ. И. Белюстина к Н. С. Лескову (Ф. 275) и А. С. Суворину (Ф. 459), однако его же письма к М. П. Погодину (Ф. 373) и переписка Д. И. Ростиславова с М. П. Погодиным (Ф. 373) и С. А. Юрьевым (Ф. 636) также ценны в рамках данного исследования. Помимо того, Ф. 636 содержит заметку оценочного характера относительно творчества свящ. И. Белюстина со стороны С. А. Юрьева, а в Ф. 194 хранится заметка о статье И. С. Ширского «Правда о выборном начале в духовенстве» и послужные списки Н. В. Елагина, представляющие ценность в контексте изучения его публицистической деятельности.

III группа – официально-документальные материалы

Исторические предпосылки возникновения церковно-общественной публицистики, суть которых заключается в правовом и социальном положении духовенства, а также в зависимости Церкви от государства, исследованы на основании данных сборников законов, статистических данных и научных монографий.

В раздел сводов законов и статистических данных войдут следующие: Свод законов Российской Империи издания 1857 года³⁵; Отечественная Церковь по статистическим данным с 1840–41 по 1890–91 гг.³⁶; Полное собрание Постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской империи. Царствование государя императора Николая I³⁷; Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе³⁸; Законы о православном духовенстве и учреждениях духовных³⁹; Церковно-гражданские законоположения относительно православного духовенства в царствование императора Александра II⁴⁰. Здесь особенно необходимо выделить последний труд, который является не просто собранием постановлений, но полноценным исследованием. В своем издании Руновский не только характеризует государственные постановления, но также касается вопроса о проблемах духовного сословия и обсуждения этих проблем в печатных изданиях.

Помимо перечисленных источников были использованы справочные материалы дореволюционных и современных энциклопедий, а также биографических исследований. К разделу энциклопедий и биографических исследований относятся: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона⁴¹; Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов С.-Петербургской духовной академии: 1814–1869 гг.⁴²; Русский Биографический словарь⁴³; Русские деятели в портретах⁴⁴, а также Православная Энциклопедия⁴⁵. Все перечисленные

³⁵ Свод законов Российской Империи издания 1857 года. Т. IX: Законы о состояниях...

³⁶ Преображенский И. Отечественная Церковь по статистическим данным с 1840–41 по 1890–91 гг. СПб., 1901.

³⁷ Полное собрание Постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской империи. Царствование государя императора Николая I. Т. 1: 1825 (декабря 12) – 1835 г. г. Пг., 1915.

³⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 1–55. СПб., 1830–1884.

³⁹ Серебренников Н. Е. Законы о православном духовенстве и учреждениях духовных с разъяснениями из решений Пр. Сената, указов, определений и постановлений Св. Синода, ведомственными разъяснениями и алфавитно-предметным указателем. М., 1913.

⁴⁰ Руновский Н. П. Церковно-гражданские законоположения относительно православного духовенства в царствование имп. Александра II. Казань, 1898.

⁴¹ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь Т. 1–41а; доп. т. 1–4. СПб., 1890–1907.

⁴² Родосский А. Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов С.-Петербургской духовной академии: 1814–1869 гг. СПб., 1907.

⁴³ Русский биографический словарь. Т. 1–25. СПб., 1896–1913.

⁴⁴ Русские деятели в портретах, изданных редакцией исторического журнала «Русская старина»: 2-е собрание. СПб., 1886.

⁴⁵ Православная Энциклопедия. Т. 1–31. М., 2000–2013.

издания содержат не более чем краткую справочную информацию, которая при подробном изучении должна быть дополнена данными из других источников. Особенно необходимо отметить многотомное издание «Жизнь и труды М. П. Погодина», 12-й том которого содержит важную информацию относительно обстоятельств издания нашумевшей записки свящ. И. Белюстина и раскрывает особенности общения сельского священника с М. П. Погодиным⁴⁶.

⁴⁶ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 12. СПб., 1898.

1. Церковно-общественная публицистика как феномен гласности во второй половине XIX века

Исторические предпосылки возникновения церковно-общественной публицистики в XIX веке

Для того, чтобы говорить о причинах возникновения и развития церковно-общественной публицистики, необходимо кратко рассмотреть положение Церкви и охарактеризовать церковно-государственные отношения в периоды правления императоров Николая I и Александра II. Период правления Николая I можно считать фундаментом для возникновения данного жанра⁴⁷, а эпоху «Великих реформ» – временем ее появления и стремительного развития.

Важно отметить, что Николай I не получил воспитания как наследник престола – его обучали военному делу. Понятие о равенстве людей и гуманизм были чужды Николаю Павловичу, он любил более простое восприятие мира, не совместимое с гуманистическими идеями⁴⁸. Военная дисциплина и сила стали определяющими факторами его воспитания. Что касается личной религиозности императора, то Николай I не разделял мистицизма, который был присущ Александру I, его религиозное воспитание было простым и даже поверхностным⁴⁹. Основными чертами характера Николая I стали строгость, простота и любовь к порядку во всем⁵⁰.

Задолго до вступления на престол Николая I в Русской Церкви произошли серьезные перемены, причиной которых стало переустройство Петром I системы ее управления. В 1721 г. через учреждение Святейшего Правительствующего Синода Русская Церковь теряет традиционную для православия систему управления и начинает очередной путь подчинения светской власти в качестве института, призванного действовать в интересах государства⁵¹. Церковь более не имела первоиерарха и возможности созывать Соборы, но была подчинена, по сути, церковно-государственному ведомству под управлением светского лица, ставшего «оком государевым» в делах церковных.

Период правления императора Николая I был логичным продолжением эпохи синодального управления, но именно в это время Церковь заслужила едкий эпитет «казенная»⁵², характеризующий ее подчинение государственной власти. Будучи религиозно простым, военным по духу, император не вникал в особенности канонического права, считая, что может действовать по отношению к Церкви с позиции сильного, в том числе отменяя указы Св. Синода⁵³ и изъявляя свою волю по любым вопросам церковной жизни⁵⁴. Однако, во избежание дегумани-

⁴⁷ Публицисты, чьи имена стали известны в эпоху «Великих реформ», воспитывались, учились и приобретали личностные характеристики именно в данный период.

⁴⁸ Парсамов В. С. История России: XVIII – начало XX века: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2007. С. 233.

⁴⁹ И. К. Смолич цитирует Николая I: «В отношении религии моим детям лучше было, чем нам, которых учили только крепиться в известное время обедни, да говорить наизусть разные молитвы, не заботясь о том, что делалось в нашей душе» (Смолич И. К. История Русской Церкви 1700–1917... Т. 1. С. 217; Рункевич С. П. Русская Церковь в XIX веке... С. 88).

⁵⁰ Рункевич С. Г. Русская Церковь в XIX веке... С. 89.

⁵¹ Алексеева С. И. Святейший синод в системе высших и центральных государственных учреждений... С. 25–27.

⁵² Римский С. В. Российская церковь в эпоху великих реформ... С. 34.

⁵³ Например, известно вмешательство Николая I в брачное право, когда императорской властью отменялось постановление Св. Синода о невозможности брака по причине недопустимой степени родства. Таким образом, светская власть стояла выше канонически обоснованной церковной власти и удовлетворяла заключение недопустимых браков (Кондаков Ю. Е. Государство и православная Церковь в России... С. 274–275).

⁵⁴ Полное собрание Постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской империи. Царствование государя императора Николая I. Т. 1: 1825 (декабря 12) – 1835 г. г. Петроград.: 1915. С. III.

зации образа в действительности верующего православного императора, необходимо кратко предварить описание тех или иных вмешательств Николая I во внутреннюю жизнь Церкви некоторыми объяснениями. Одной из наиболее удачных, на наш взгляд, попыток объяснения причин вмешательства Николая I в систему управления Церковью и даже в ее сакральную область стала работа современного историка С. Л. Фирсова «Православный абсолютизм»⁵⁵. Слова, произнесенные императором после восстания 14 декабря 1825 г. о противодействии революционным течениям⁵⁶, задали вектор его политике, что, учитывая взгляд Николая I на роль православия в судьбе русского самодержавия, делало Церковь одной из требующих постоянного контроля опор гражданской власти. Считая православие необходимой частью русского государства, гарантом правильного воспитания подданных, а себя – чему способствовала сама Церковь – Божиим помазанником, Николай I считал более чем естественным не только следить за церковными делами, но активно руководить ими во благо русского самодержавия⁵⁷.

В рамках реализации обязанностей верховного ктитора, на уровне императорских постановлений принимались очередные меры по исполнению прихожанами религиозных обязанностей, в том числе по участию в таинствах исповеди и причастия⁵⁸. Николай I регламентировал как внешний, так и внутренний вид храмов⁵⁹, которые с ноября 1842 г. было запрещено перестраивать или видоизменять. Внимание уделялось также вопросу о церковном имуществе, богослужебному пению, приходским библиотекам, порядку в домах священнослужителей⁶⁰ и др.

Важной задачей государства, по мнению Николая I, было поднять авторитет Церкви через возвышение авторитета духовенства, которому, как известно, были не чужды многие пороки⁶¹. С целью достижения желаемого результата император уделял особое внимание нравственности священнослужителей, лично контролировал дела о преступлениях клириков⁶² и ужесточил санкции против оступившихся.

В николаевскую эпоху государственная власть давала возможность любому священнослужителю сложить с себя сан по собственному желанию, что совершенно нетрадиционно и, хотя соотносится со взглядом самодержца на понятия о благе Церкви и государства, не обосновано каноническим правом. Такое дозволение можно расценивать как недопустимое, в том числе и с благой целью, вмешательство государственной власти не просто в административное, но даже в сакральное устройство Церкви. Лишение сана по суду также не обходилось без последующих государственных вмешательств и санкций. Бывшим священнослужителям с 1839 г. на несколько лет был закрыт доступ к государственной службе⁶³, а в 1842 г. этот срок был увеличен вдвое⁶⁴. Сложнее всего было исключенным из клира причетникам, которых с 1835 г.

⁵⁵ Фирсов С. Л. «Православный абсолютизм»...

⁵⁶ Фирсов С. Л. «Охранительная идеология» и Православная Церковь в России 1825–1861 гг... С. 143.

⁵⁷ Фирсов С. Л. «Православный абсолютизм»... С. 36–38.

⁵⁸ Полное собрание Постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской империи... Т. 1. С. VI, 605, 648, 881.

⁵⁹ Там же. С. 553, 639–647, 860.

⁶⁰ Свод законов Российской Империи издания 1857 г. Т. IX: Законы о состояниях... № 287.

⁶¹ Кондаков Ю. Е. Государство и православная Церковь в России: эволюция отношений... С. 365; Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии... С. 125–126.

⁶² Полное собрание Постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской империи... Т. 1. С. 318.

⁶³ ПСЗ-2. Т. 14. Отд. 1. № 12148.

⁶⁴ По прошествии срока запрещения, при поступлении на государственную службу, бывшему священнику не возвращались никакие знаки отличия, если он имел их до принятия сана. Исключение из этих правил составляли лишь дворяне, которые могли беспрепятственно избирать государственную службу, несмотря на снятие с себя священного сана (ПСЗ-2. Т. 17. Отд. 2. № 16053).

направляли на военную службу⁶⁵. Одной из причин аморальности духовенства, несомненно, был запрет выхода из духовного сословия. Сыновья священнослужителей вынуждены были получать духовное образование и принимать священство, даже без желания служить Церкви. С 1842 г. появилась возможность выйти из сословия тем, кто не проявил усердия в учебе, однако условия, в которых оказывались оставившие свое сословие, не способствовали данному процессу. Вступить в духовное сословие было так же тяжело, как и выйти из него, по целому ряду причин⁶⁶.

Не осталась без контроля светской власти и монастырская жизнь. Обязательной регламентации подвергались условия поступления в монашество, в том числе и возрастной ценз, который стараниями святителя Филарета (Дроздова), не разделявшего взгляд самодержца на роль государственной власти в церковных делах⁶⁷, был значительно смягчен⁶⁸. Помимо возрастного ценза, для вступления в монашество было необходимо получить одобрение со стороны как общества, так и государства⁶⁹. Снятие монашества было также под контролем государства, но, в добавление ко всем санкциям, которые применялись по отношению к сложившим с себя сан приходским священнослужителям, монахам был добавлен запрет на проживание в Санкт-Петербурге и Москве, а также в губернии, где он жил монахом⁷⁰.

Важным инструментом управления николаевского правительства стала система цензуры⁷¹, которая следила не только за светской, но даже, в большей мере, за церковной печатью. Николай I серьезно относился к делу контроля печати, о чем наглядно говорит то, что устав о цензуре выходит уже 10 июня 1826 г.⁷², то есть в первый год его правления. Цензурный устав был настолько жестким, что его незамедлительно прозвали «чугунным». Позднее, 22 апреля 1828 г.⁷³, был издан новый устав, незначительно смягчивший положения устава 1826 г.⁷⁴ Однако во второй половине царствования Николая I, в связи с событиями в Европе, цензурная политика императора становится еще более жесткой, так что период с 1848 по 1855 гг. позднее был назван «эпохой цензурного террора»⁷⁵.

Отдельно были созданы Комитеты Духовной Цензуры, в чью компетенцию входило все, что так или иначе было связано с православием и Церковью. При проверке претендующих на

⁶⁵ ПСЗ-2. Т. 10. Отд. 1. № 8139.

⁶⁶ Во-первых, для этого требовалось духовное образование, а значит, надо быть или в духовном сословии, или дворянином. Во-вторых, среди крестьян действовала круговая порука, а значит, если один член выходит из своего общества, за него обязаны платить налоги, вплоть до следующей переписи, другие члены его бывшего круга. Неудивительно, что разрешительную бумагу желающему вступить в духовное звание сообщество не подписывало (Свод законов Российской Империи издания 1857 года. Т. IX: Законы о состояниях... Ст. 269–294).

⁶⁷ *Фирсов С. Л.* «Православный абсолютизм»... С. 39; *Его же.* «Охранительная идеология» и Православная Церковь в России 1825–1861 гг. С. 152–165.

⁶⁸ Для мужчин планировалось ввести рамки в 30 лет для лиц дворянского происхождения и в 35 лет для остальных, женщин же запретить постригать ранее 50 лет. В результате диалога Церкви и государства были установлены более мягкие ограничения: для мужчин не ранее 30 лет, для женщин не ранее 40 лет. Кроме этого, был введен ряд постановлений, смягчающих и эти рамки (Свод законов Российской Империи издания 1857 года. Т. IX: Законы о состояниях... Ст. 249).

⁶⁹ Помимо письменного согласия своего сообщества и Казенной палаты, а для крепостных – отпускного свидетельства, необходима была также личная подпись губернатора, без которой прошение в Св. Синод не принималось.

⁷⁰ Свод законов Российской Империи издания 1857 г. Т. IX: Законы о состояниях... № 254; ПСЗ-2. Т. 7. 1832. № 5702 (ст. 1–6).

⁷¹ *Смолич И. К.* История Русской Церкви 1700–1917... Т. 2. С. 217; *Рункевич С. Г.* Русская Церковь в XIX веке... С. 73.

⁷² ПСЗ-2. Т. 2. 1830. № 403.

⁷³ ПСЗ-2. Т. 3. 1830. № 1979.

⁷⁴ По указу 1828 г. любые печатные издания, без различия их направленности и языка, должны были проходить предварительную цензуру.

⁷⁵ М. К. Лемке одним из первых приступил к изучению цензурной политики в Российской империи первой половины и середины XIX века (Большая Российская энциклопедия: в 30 т. М., 2010. Т. 17: Лас-Тунас – Ломномос. С. 216) и охарактеризовал данный период как самый мрачный и тяжелый для журналистики. Он утверждает, что, помимо государственных мер, существовали еще и неофициальные меры в руках некоторых учреждений, которые не стеснены рамками закона (*Жирков Г. В.* История цензуры в России XIX–XX вв. Учебное пособие. М., 2001. С. 79–85).

печать трудов первое место по тщательности исследования занимали пособия, предназначенные для духовного образования. Такие пособия не мог оценить и допустить к печати один цензор, их обязаны были проверить все члены цензурной комиссии. По причине жесткой цензуры многие священники и профессора духовных академий перестали писать, что, по мнению А. В. Горского⁷⁶, весьма закономерно, ведь любая попытка открыть новую сторону в том или ином предмете покажется цензорам ересью⁷⁷. Жесткая цензура не только охраняла государство от крамолы и революционных настроений, но также тормозила богословскую науку⁷⁸ и проповедь, что опять же можно расценить как вмешательство светской власти в компетенцию Церкви и в сакральную область православия.

С целью возвысить авторитет Церкви, Николай I ужесточает политику по отношению к сектантам, старообрядцам и представителям других конфессий. Так, например, в 1830 г. выходит ряд указов, запрещающих католическому духовенству совершать требы для православных, проповедовать и обращать в свою веру⁷⁹, а 12 марта 1844 г. был издан указ о недопустимости постройки синагог и молитвенных школ на одной улице с православными храмами ближе, чем на сто сажен (213.36 м)⁸⁰. Однако, более жестко Николай I повел себя со старообрядцами, которые, учитывая его взгляд на роль Православной Церкви в государстве, представлялись ему не столько иноверцами, к которым можно было бы применить принцип веротерпимости, сколько отступниками и даже возмутителями государственного спокойствия, что неминуемо приводило к репрессивным действиям в их адрес⁸¹.

Борьба православия с унией также велась при непосредственной поддержке светской власти или, точнее сказать, исключительно ее силами. В 1838 году был создан секретный комитет по униатским делам, а в 1839 году на территорию Польши, для поддержания порядка, были введены войска, что способствовало воссоединению униатов с православием. Сам факт воссоединения Православной Церкви с униатами посредством ввода войск прекрасно иллюстрирует отношения Церкви и государства, в которых Церковь не просто подчинена светской власти, но и не способна исполнять свои обязанности без помощи последней. Но для правления Николая I эти события были особо важны и расценивались не только как победа истинной веры над заблуждением, но и как акт мудрости государственной власти.

Ради справедливости необходимо отметить, что Николай I заботился также и о материальном положении духовенства, хотя этот фактор полезен не только Церкви, но и государству. Так, 6 декабря 1829 г. было издано постановление об обеспечении причтов и поддержки студентов духовных учебных заведений⁸². Помимо данного положения, Николай I издал еще несколько указов о назначении жалования для духовенства из государственной казны, а также о наделении причтов землей, но данные меры не привели к разрешению проблемы недостаточного обеспечения духовенства.

После кончины Николая I и обер-прокурора Н. А. Протасова, который идеально подходил идеологии самодержца⁸³, многие решения были пересмотрены, а преемник «рыцаря самодержавия» пошел путем проведения реформ и активных преобразований.

⁷⁶ А. В. Горский – профессор церковной и гражданской истории Московской духовной академии (1832), в 1842–1862 гг. зав. Библейской кафедрой МДА, с 1862 г. ректор МДА (первый ректор из белого духовенства) и зав. каф. Догматического богословия (Большая Российская энциклопедия: в 30 т. М., 2007. Т. 7: Гермафродит – Григорьев. С. 492; Горский А. В. // Православная Энциклопедия. М., 2006. Т. XII: Гомельская и Жлобинская епархия – Григорий Пакуриан. С. 149–152).

⁷⁷ Смолч И. К. История Русской Церкви 1700–1917... Т. 2. С. 74.

⁷⁸ Котович А. Н. Духовная цензура в России (1799–1855 гг.). СПб., 1909. С. 195–200.

⁷⁹ ПСЗ-2. Т. 5. Отд. 1. № 3459; ПСЗ-2. Т. 5. Отд. 2. № 3908.

⁸⁰ Сборник постановлений о церковном хозяйстве, изданных с 1808 по 1869 год. С. 1704. № 281 от 9 октября 1844 г. С. 582.

⁸¹ Фирсов С. Л. Православное государство и русские старообрядцы-поповцы в эпоху императора Николая I... С. 7.

⁸² ПСЗ-2. Т. 4. № 3323.

⁸³ Никулин М. В. Православная Церковь в общественной жизни России (конец 1850-х – конец 1870-х гг.)... С. 54.

Следующий период, который особенно интересен в контексте зарождения и развития церковно-общественной публицистики, это время правления императора Александра II и особенно эпоха «Великих реформ». Александр II вступил на престол 19 февраля 1855 г. От нового императора ждали перемен, ведь николаевская эпоха, по мнению современников, себя изжила, о чем наглядно можно было судить по итогам Крымской войны. Именно поэтому смерть Николая I не просто всколыхнула общественность, но даже вызвала ликование⁸⁴. Важную роль в дальнейших событиях сыграло воспитание нового императора, которое в корне отличалось от воспитания Николая I. Учитель наследника В. А. Жуковский, старательно прививая наследнику нравственность и этические принципы, стремился воспитать просвещенного монарха, исключая какое-либо политическое давление на возрастающую личность⁸⁵. Новый период истории России, а вместе с тем, и истории Русской Церкви, с самого начала обещал быть другим, не похожим на предыдущие 30 лет. Период правления Александра II – это эпоха перемен, сыгравших в судьбе России и Русской Церкви важную, хотя и не однозначно положительную роль. Однако, избегая попыток глубокого осмысления событий эпохи, что не является нашей целью, в контексте данного исследования обратимся к преобразованиям церковной жизни, ведь именно эта часть реформ была отражена в церковной печати. Из важнейших преобразований, в первую очередь, отметим те реформы, которые были призваны улучшить материальный быт белого духовенства, а именно: материальное обеспечение причтов, организация церковно-приходских попечительств, сокращение приходов и причтов, а также реформа земств.

С целью конкретизации и анализа нужд духовенства, в Главном Присутствии по делам православного духовенства⁸⁶ решили узнать об этих нуждах от самого духовенства, в обход консисторий и архиереев, которые, несомненно, стали бы приукрашивать положение духовенства своих епархий. Причт, получив возможность высказаться, не скупился на желания, прося наделить его жалованием, угодьями и землей, а добровольные пожертвования заменить на подушное финансирование с прихожан. Духовенство стремилось устроить свой быт за счет прихожан, а ту часть, которую прихожане обеспечить не в силах, по их мнению, должна была покрыть казна⁸⁷. Очевидно, представителей государственной власти не устраивал вариант решения проблем духовенства за счет казны.

Для улучшения быта духовенства было решено наделять причты землей, но данная мера не оправдывала себя. Проблем было несколько: чересполосица, отсутствие земель в густонаселенных районах, неплодородные земли, невозможность обработать выделенный надел и т. д. Также государство взяло на себя заботу о починке храмов, но качество производимых работ оставляло желать лучшего, а вопрос постройки домов для причтов за счет местных ресурсов и вовсе не удалось сдвинуть с мертвой точки.

Несмотря на дефицит денежных средств, с июня 1862 г. по февраль 1885 г. государство все же тратило 6 293 617 руб. на обеспечение причтов, но внушительная часть суммы шла на наиболее приоритетные с точки зрения государственной политики епархии. С учетом системы распределения данных средств, примерно на 18 000 причтов в среднем, каждый причт получал сумму, которая не решала всех его проблем. Кроме того, необходимо учесть, что оставалось еще около 21 000 причтов, которые не получали жалования вовсе. К. П. Победоносцев вынуж-

⁸⁴ Парсамов В. С. История России: XVIII – начало XX века... С. 286.

⁸⁵ Ляшенко Л. М. Александр II, или История трех одиночеств. М., 2003. С. 44.

⁸⁶ Особое Присутствие для изыскания способов к большему обеспечению быта духовенства. Состояло из 12 членов и существовало с 28 июня 1862 по 16 февраля 1885 гг. По меткому замечанию С. В. Римского, Присутствие оказалось ареной борьбы церковной иерархии против высших чиновников (*Римский С. В. Российская церковь в эпоху великих реформ...* С. 263).

⁸⁷ Надо отметить и то, что если архиереи приукрашивали положение духовенства в своих епархиях, то само духовенство прибеднялось и, несмотря на то, что его положение было действительно печальным, все же укрывало в отчетах часть доходов.

ден был признать, что за 23 года работы Присутствие не смогло решить проблемы обеспечения причтов дополнительными финансовыми средствами, землей и домами⁸⁸. Среди духовенства все чаще стали звучать мнения о том, что государство недостаточно обеспечивает русское духовенство, хотя морально, как казалось некоторым священнослужителям, было обязано это делать по двум причинам. Во-первых, после секуляризации 1764 г. государство стало обладателем церковного имущества, которое хоть как-то, но должно было работать на благо духовенства. Во-вторых, реальный церковный доход подлежал обязательной конвертации в обязательства государственных кредитных учреждений, и их реальное использование было весьма затруднено, церковные суммы более работали на нужды государства, чем на благо Церкви⁸⁹.

Следующей мерой, призванной улучшить материальное положение причта и оживить приходскую жизнь, стало создание церковно-приходских попечительств, которые должны были учреждаться по инициативе прихожан. Попечительства должны были обеспечить начальное образование детей прихода, заниматься благоустройством храма и благотворительностью в рамках прихода, учреждать школы и богадельни, оказывать помощь нуждающимся прихожанам. Вместе с тем пожертвования, собираемые попечительствами на свою деятельность, должны были быть исключительно добровольными.

Первый же год разочаровал духовенство – попечительства почти не создавались, ведь данный проект был создан не по инициативе верующих, а реализовывать его необходимо было именно им⁹⁰. Народ вносил свои деньги в попечительства, принимая их как новую форму налога в пользу духовенства. В ряде епархий попечительств почти не было, а там, где их было достаточно, они, в основном, не приносили никакой пользы. Из отчетных списков деятельности приходских попечительств⁹¹ видно: меньше всего народ жертвовал на содержание причта, в некоторых епархиях за год в пользу причта не поступало ни копейки.

Другой, столь же неэффективной и самой непопулярной среди верующих, попыткой поправить положение духовенства было сокращение приходов и причтов. 16 апреля 1869 г. вышел в свет закон⁹², который, в числе прочего, постановлял сократить численность духовенства ради более достойного содержания оставшихся. Первый шаг в данном направлении был сделан еще 21 июля 1863 г.⁹³, когда вышел закон, разрешающий открывать новый приход лишь с условием, что прихожане сами будут обеспечивать его причт жильем и жалованием⁹⁴. Сокращение числа приходов должно было, в том числе, стимулировать прихожан к более достойному содержанию своего духовенства из страха, что их приход будет закрыт. Духовенство и народ приняли данную реформу с беспокойством – действия властей были похожи на гонения, ведь храмы закрывали, а священников не рукополагали. Духовенство боялось лишиться своего места, что подтолкнуло к интригам внутри сословия, а миряне – потерять храм, на который они из поколения в поколение жертвовали свои средства. В итоге, наделав много шума и интриг, реформа провалилась. С 1870 г. по 1879 г. сокращено всего, по одним данным, 449 приходов⁹⁵, по другим – 2361 приход.⁹⁶ Причты сократили в основном за счет причетников и диаконов,

⁸⁸ Римский С. В. Российская церковь в эпоху великих реформ... С. 415.

⁸⁹ Там же. С. 118–137.

⁹⁰ Там же. С. 361.

⁹¹ Там же.

⁹² ПСЗ-2. Т. 44. Отд. 1. № 46974.

⁹³ Римский С. В. Российская церковь в эпоху великих реформ... С. 519.

⁹⁴ Сама по себе задумка не была чем-то революционно новым, похожие решения уже имели место быть в период правления Николая I, а именно в 1829 г. (ПСЗ-2. Т. 4. 1830. № 3323 п. III § 16.), 1842 и 1846 гг. (Римский С. В. Российская церковь в эпоху великих реформ... С. 519).

⁹⁵ Извлечение из отчета обер-прокурора за 1870 и 1879 гг. (Римский С. В. Российская церковь в эпоху великих реформ... С. 540).

⁹⁶ Преображенский И. Отечественная Церковь по статистическим данным... С. 21–22.

число священников было сокращено незначительно⁹⁷. Произведенные изменения не привели к повышению благосостояния духовенства, реформа принесла больше вреда, нежели пользы, и даже усилила раскол. Сменивший Д. А. Толстого на посту обер-прокурора К. П. Победоносцев, по целому ряду причин⁹⁸, держался иного мнения и не жаловал закон от 16 апреля 1869 г.⁹⁹. В итоге, с 1880 по 1890 гг. в России замечено увеличение численности приходов и духовенства.

Хорошими местными источниками для обеспечения духовенства члены Присутствия посчитали земства. Помимо денежной помощи, участие духовенства в земствах могло поднять его авторитет и дать возможность отстаивать свою точку зрения. В народном образовании духовенство могло сотрудничать с земствами на взаимовыгодных условиях, поскольку у земств были деньги, а у духовенства – преподавательские кадры. Однако надежды, которые были связаны с земствами, не сбылись. В основном это связано с тем, что духовенство не могло без ущерба для своей пастырской деятельности и материальному благосостоянию причта участвовать в заседаниях земств, которые собирались регулярно в течение трех лет. Со стороны земств также не было особого сочувствия к духовенству. Земства в подавляющем большинстве случаев отказывались финансировать церковно-приходские школы и участвовать в улучшении материального обеспечения причтов¹⁰⁰.

Помимо реформ, направленных на улучшение материального положения причтов, необходимо отметить более удачные преобразования, связанные с расширением прав православного духовенства и их семей. 30 декабря 1863 г. Главное Присутствие положительно рассмотрело вопрос об освобождении домов городского духовенства от казенного сбора. Тут же был рассмотрен вопрос о рекрутской повинности детей духовенства, и утвердившаяся практика «разборов» детей духовенства, противоречащая закону о состояниях, освобождавшему их от рекрутской повинности, была упразднена. Важнейший закон, положивший конец практике наследования приходских мест¹⁰¹, был принят 22 мая 1867 года. 29 сентября 1868 г. епархиальные архиереи получили право без Св. Синода увольнять из духовного звания в светское по личному прошению, а детям духовенства было разрешено поступать в военные училища¹⁰².

26 мая 1869 г. законодательно был сделан важнейший шаг к преодолению сословной замкнутости духовенства¹⁰³. Не отнимая привилегий у детей духовенства, им дали новые права и свободы. Теперь дети духовенства перестали принадлежать к духовному званию лично, то есть, пользуясь льготами отцов, они не разделяли с ними их обязанностей. У детей духовенства и причетников появилось право выбирать по своему желанию военную или гражданскую службу, а также заниматься торговлей, промышленностью и любой деятельностью, позволенной гражданам их состояния. Гражданское состояние детей духовного звания также было изменено, дети священников и диаконов получили права детей личных дворян, а дети дьячков – детей почетных граждан. Обучающимся в учреждениях Церкви, но не являвшимся членами причта, разрешено было не испрашивать благословения на брак. Сословное происхождение невесты теперь не играло никакой роли даже для тех, кто уже находился в причте.

⁹⁷ В период с 1870 по 1880 гг. число священников сократилось с 39600 до 39200, диаконов с 14000 до 9100, а причетников с 61900 до 50100 (*Преображенский И.* Отечественная Церковь по статистическим данным... С. 29).

⁹⁸ *Фирсов С. Л.* Человек во времени: штрихи к портрету Константина Петровича Победоносцева // К. П. Победоносцев: pro et contra. СПб.: РХГА, 1996. С. 6–27; *Полунов А. Ю.* Национальное и религиозное в системе имперского управления: к вопросу о деятельности и политических взглядах К. П. Победоносцева // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. № 34. С. 1–3.

⁹⁹ *Полунов А. Ю.* К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. С. 239–241.

¹⁰⁰ *Римский С. В.* Российская церковь в эпоху великих реформ... С. 434, 439.

¹⁰¹ ПСЗ-2. Т. 42. Отд. 1. № 44610.

¹⁰² *Римский С. В.* Российская церковь в эпоху великих реформ... С. 453.

¹⁰³ ПСЗ-2. Т. 44. Отд. 1. № 47158.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.